
ФОРМИРОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Е.Б. Барина

Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский проспект, 32а, Москва, Россия, 119991

Исследование этнокультурных контактов с некитайскими народами на территории Китая в период раннего средневековья выявляет важную особенность китайской цивилизации, которая заключается в том, что все привнесенные элементы постепенно адаптируются, китаизируются и становятся частью самой китайской культуры.

Ключевые слова: Китай, этнокультурный, раннее средневековье.

Поскольку основные пути и методы урегулирования межэтнических отношений в рамках единой государственной общности не претерпели за прошедшие со времен Северного Вэй (386–534) полтора тысячелетия особых изменений, историческое познание сущности и закономерностей этнических процессов и явлений, диалектики взаимодействия этнических и политических общностей, соотношения традиционного и современного в вопросах этнической политики, вплоть до нашего времени остается не просто академической проблемой, но и важнейшей политической задачей.

Несмотря на этническую мозаичность состава населения Срединной равнины, большинство населения было представлено древними китайцами, а наиболее многочисленной группой «варваров» были сяньби (1). Из 19 государств, возникших в IV – начале V в., 8 были сяньбийскими. Поэтому для данного периода наиболее важны особенности государственной политики в отношении различных этносов, входивших в состав империи и составлявших наиболее крупные этнические группы: китайцев и сяньби, а также прочих меньшинств некитайского происхождения. Этническая политика в отношении этих групп определялась их локальностью и доступом к власти, а также положением, сложившимся в этносоциальной иерархии. Особенностью этнополитической ситуации этого периода становится соперничество за власть между различными по своему происхождению, языку и традициям этническими группами. В целом возникновение тоба-сяньбийской династии Северное Вэй, объединившей к середине V в. весь Север и политически господствовавшей там более столетия, оказало определяющее воздействие на характер этнических процессов этого периода (2).

Сяньбийцы, а позднее другие северные народы, проникшие на Срединную равнину, не избежали общих закономерностей развития и также со временем

вступили на путь синизации. Как внешние условия, так и собственное экономическое и общественно-политическое развитие сяньбийцев делали синизацию необходимым условием сохранения их господства в Северном Вэй.

Возникновение северовэйского государства, существовавшего в эпоху Южных и Северных династий в Китае, создало благоприятные возможности для развития всех вошедших в нее племен и народов. Политическое объединение Севера Китая способствовало интенсификации межэтнического взаимодействия, в ходе которого каждый из многочисленных этнических компонентов северовэйской империи претерпевал существенные этнокультурные изменения.

Специфика этнических процессов этого периода определялось взаимодействием множества факторов, среди которых наиболее важную роль играли чрезвычайная разнородность этнического состава населения, иноземное происхождение правителей империи, относительная малочисленность, социально-экономическая и культурная отсталость тоба-сяньбийцев. Все эти особенности предопределили важнейшую роль этнического фактора в государственном управлении северовэйской империей.

Интересы управления империей требовали преодоления конфессиональной розни, поэтому место единой государственной религии должны была занять либо одна из традиционных религий, в наибольшей степени сочетающая в себе элементы, близкие религиозным верованиям всех взаимодействующих этносов, либо новая, заимствованная извне и не связанная с каким либо одним из них. В Северной Вэй такую роль стали играть буддизм и даосизм. Сначала особенно успешно распространился буддизм. Буддийские монахи при дворе были подчинены императору. Они даже признали его как одно из перевоплощений Будды. Это, во-первых, поднимало престиж власти среди китайского населения, для которого традиционно император должен быть «сыном неба». Во-вторых, давало возможность легитимизации шаманских обрядов кочевников в буддийской интерпретации. Одновременно происходит борьба за официальный статус между буддизмом, с одной стороны, и конфуцианством и даосизмом, с другой. По мере усиления китайского влияния в государственном управлении более прочную позицию стал занимать даосизм, который в 444 г. был официально признан основной религией империи. Поскольку буддизм считался религией «варваров», то факт, что он не признан государственной религией был важен и конфуцианцам (3).

Более того, с 446 г. начинаются гонения на буддистов. Фактически антибуддийские настроения были не просто борьбой буддистов и даосов, но явились отражением процесса синизации не китайского населения, когда на первый план выдвигаются китайские верования – даосизм и конфуцианство. Религиозная ситуация отразила политические реалии общества, меняющееся соотношение сил между тобйцами и китайцами, в результате которого сяньбийская знать оказывалась перед угрозой утраты политического приоритета в империи.

В ходе выработки оптимальных путей и средств осуществления этнической политики тобийцы использовали опыт правителей «шестнадцати царств пяти ху», существовавших на территории Срединной равнины в III в. н.э., а также традиции взаимоотношений Китая с «варварами», сложившиеся еще во времена ханьской династии.

Исходя из этого, внутреннюю политику Северного Вэй мы можем разделить на два этапа.

Первый этап связан с решением задач: ограничения сопротивления со стороны завоеванных народов, их организации под единым управлением и выравнивание уровня общественно-экономического развития.

Для решения этих задач тобийцы начинают политику насильственного переселения иноэтнического населения в новые для них районы обитания. Политика переселения имела не однозначные последствия. С одной стороны, это способствовало быстрому и успешному развитию районов, куда было переселено ремесленное и земледельческое население. С другой стороны, переселение на новые территории и смена образа жизни приводила к утрате традиционных форм жизни и приспособлению к новым условиям.

Одним из крупнейших мероприятий в рамках этих преобразований стала ликвидация при императоре Тоба Гуе традиционной системы племен. Согласно записи в «Вэй шу», «в начале (эры правления Дэн-го 386 г.) Тай цзу (император Тоба Гуй. – *Е.Б.*) распустил все племена и впервые всех без различий обратил в податные дворы». Отмена племенной общественной структуры сопровождалась переводом бывших кочевых племен к оседлому проживанию с запретом на переселение. Порядок сезонных кочеваний, хотя и сохранился, но был ограничен, а традиционное деление по племенам и родам сменилось территориальным. Новое административно-территориальное устройство заключалось в разделении всего кочевого населения на восемь аймаков с установлением должностей их глав. Главы аймаков назначались государством и уже не были связаны с системой племен. Племенная знать была в большинстве своем настроена против этих мероприятий (4) и, чтобы лишить ее влияния и привилегий, императорской власти пришлось ввести ряд мер: во-первых, ограничить влияние племенных обычаев; во-вторых, изолировать племенную знать от основного населения (5); в-третьих, массово привлекать к управлению представителей китайской служилой бюрократии, являвшихся носителями опыта и традиций китайской культуры.

В конечном счете превращение населения покоренных областей из племенных в территориальные формирования позволило значительно ограничить влияние племенной знати на местах, приводило к усилению централизованной государственной власти (в лице тобийских правителей северовэйской династии), сделало неизбежным сближение с китайским населением империи и привело к усилению китайского влияния в Северном Вэй.

Усиливавшееся в условиях политического единства взаимодействие сяньбийской и китайской культур, с одной стороны, вело к постепенному их

сближению, а с другой, рождало внутренние противоречия с обеих сторон. Поэтому одной из задач этнокультурной политики этого времени было разумное урегулирование противоречий. Во-первых, китайское население составляло большинство населения северовэйской империи, во-вторых, эта часть населения была наиболее развитой в экономическом и культурном отношении, в-третьих, именно китайцы являлись носителями опыта имперского правления. Поэтому в конечном итоге тобийцы пришли к пониманию необходимости политического союза с китайцами и привлечению их к сотрудничеству в управлении.

Успех этого сотрудничества был в интересах обеих сторон. Многие китайские чиновники, поступившие на службу тобийской династии, были выходцами со Срединной равнины и сохранили прежние родственные связи. Для этой прослойки китайцев было удобно, чтобы регион управлялся единой властью, а не принадлежал разным племенам, с каждым из которых пришлось бы отдельно договариваться. Более того, при неблагоприятных взаимоотношениях между отдельными племенами местные китайцы могли быть просто уничтожены, а привилегированное сословие могло быть низведено до уровня простых земледельцев. Поэтому китайцы были заинтересованы в санкционированной передаче местного управления в руки знатных китайских родов, которые бы контролировали всю общественную жизнь на местах. С другой стороны, и сами сяньбийцы также были заинтересованы в привлечении представителей китайского служилого сословия к управлению, поскольку они обладали необходимым опытом. Только они могли договориться с местным китайским населением мирным способом.

Таким образом, привлечение на службу было одним из главных способов сотрудничества с покоренными китайцами. Другой причиной, предопределившей принятие китайской культуры, было то, что в новых условиях (рост территорий и численности подвластного населения) опыт племенного управления не обеспечил эффективного господства тобийцев над более развитым в экономическом и культурном отношении населением. Однако несмотря на заинтересованность тобийцев в китайцах, отношения с ними все же складывались сложно, особенно в ранний период существования империи.

Политика северовэйских правителей на этом этапе в отношении каждого из подвластных этносов и методы ее осуществления не могли быть однозначными. Но в целом методы управления в значительной мере зависели от их военной силы, характера культуры и общего стечения обстоятельств. Также сохранявшееся неравноправие социальных слоев внутри отдельных этносов, позволило тобийцам использовать в своих политических целях как межэтнические, так и внутреэтнические противоречия.

На втором этапе цели этнической политики, с точки зрения интересов государства, оставались в целом неизменными. Однако пути разрешения этнических противоречий с целью усиления государственной власти тобийской династии были выбраны теперь уже другие. Иначе говоря, северовэй-

ские правители были вынуждены отказаться от урегулирования противоречий насильственными методами. Особенностью этнической политики позднего этапа стало их стремление к устранению этнических противоречий путем сознательной аккультурации тобийцев и других этносов на основе традиционной китайской культуры. Причиной и одновременно результатом этих преобразований был переход от насильственного военного характера управления к преимущественному использованию экономических методов управления населением Срединной равнины.

Введение китайской системы чиновничьих должностей в округах и уездах способствовало стабилизации экономического положения китайских чиновников и постепенному отстранению тобийской знати от государственного управления. Фактически к концу V в. тобийцы стали перед выбором: постепенная ассимиляция с китайцами или превращение в дискриминируемое население в качестве этнического меньшинства. Процесс синизации общества Северной Вэй привел к постепенной утрате традиционных сяньбийских особенностей и расширению роли элементов китайской культуры в масштабах всего северовэйского государства.

Решающим событием, которое обозначило новый этап тобийско-китайских взаимоотношений, стал перенос северовэйской столицы в Лоян в 494 г. Изменение географической, языковой и социальной среды обитания способствовало разрушению этнокультурной замкнутости тобийцев. Последовавший вслед за переездом в Лоян переход на использование китайского языка, одежды, имен, в сочетании с прекращением связей с родственниками на Севере, оказывал трансформирующее воздействие на этническое самосознание и, в конечном счете, ускорил окончательную утрату сяньбийцами своей этнической индивидуальности.

Мероприятия по введению китайской системы чинов и новой иерархии знатности родов и фамилий, нарушению этнической эндогамии и целенаправленные меры по утверждению генеалогического и культурного родства с китайцами стали важными средствами новой фиксации социального и этнического положения сяньбийцев, а также устранения этнических различий в Северном Вэй. Главной особенностью этого решающего этапа межэтнического взаимодействия в Северном Вэй (после 494 г.) стала коренная трансформация и аккультурация тобийцев, сделавшая неизбежной их последующую этническую ассимиляцию в китайской среде.

Достигнуть этой цели правители Северной Вэй пытались уже не путем внешнего замирения противоречий, а за счет принудительного слияния сяньбийской знати с китайскими служилыми родами (6).

Другим средством этнической политики в тот период стало намеренное поощрение браков между тобийской и китайской знатью. Сяо Вэнь-ди не только сам женился на китаянке, но и выбрал своим пятерым младшим братьям жен из китайских знатных родов и фамилий. Приход китаянок во внутренние покои сяньбийской знати означал сильнейший удар по исконно-

му образу жизни последней, основанному на традиционных вековых семейно-бытовых устоях. Однако посредством одних лишь брачно-родственных связей добиться консолидации сяньбийской знати невозможно. Поэтому еще одним важным шагом реформ стадо введение новой иерархии знатности северовэйских фамилий и родов. Также одним из факторов этнокультурной трансформации тобийского общества на втором этапе была этноконфессиональная политика.

Чтобы поддерживать идеологию китаизации в обществе, северовэйские правители начинают изменять идеологические основы племенного общества, обращаясь к конфуцианству, даосизму и буддизму, заимствовав от каждого из них элементы, наиболее близкие местным религиозным верованиям. Перенимавшиеся у китайцев религиозные обряды нередко переосмысливались, дополнялись традиционными шаманскими культовыми действиями и символикой.

Однако несмотря на интерес к китайской культуре тобийские правители вовсе не стремились к полному усвоению идей и учений покоренных ими китайцев, но весьма прагматично выбирали лишь то, что наиболее соответствовало их непосредственным интересам. Именно этим было продиктовано их пристальное внимание не только к конфуцианству, но и к легизму, даосизму, учению об инь-ян и к усвоению китайских нравов, обычаев и привычек. В вопросах, выходящих за пределы управления, позиции тобийских правителей с самого начала были довольно жесткими и охранительными. Дошедшие до нас письменные свидетельства показывают, что табгачская элита стремилась сохранить свои культурные традиции и старалась не поддаваться китайскому влиянию, отношение к которому в этот период было резко отрицательным (7).

Хотя многие табгачи в этот период хорошо знали древнекитайский язык, в армии и при дворе в употреблении был только сяньбийский. Признавая необходимость заимствования китайского опыта управления и культуры, Тоба Гуй в то же время выступал против принятия в целом культуры Средней равнины своими соплеменниками и за сохранение ими первоначального духа традиционной степной культуры. Этот курс на поддержание исконных тобийских обычаев и привычек продолжался вплоть до правления Тоба Тао (423–452), который, хоть и не в такой степени как его дед, но также выступал с охранительных позиций. Противоречие между культурно-этнической разобщенностью и тенденциями к объединению китайцев и тобийцев нашло отражение в этнической политике северовэйских правителей, которые с одной стороны привлекали китайских земледельцев, но, в то же время, вступали с ними в противоборство. Ярким проявлением этого соперничества было истребление в 450 г. более 2 тыс. представителей китайской служилой аристократии. Однако в конечном счете можно говорить о взаимовлиянии культур кочевников и китайцев, поскольку результатом противостояния сяньбийских традиционалистов и китаизирующихся реформаторов стало объединение традиций. Это проявилось в том, что, по мнению общества то-

го времени, образованный человек, должен разбираться в астрономии, рисовать, уметь играть в шахматы и разговаривать по-сяньбийски. Как в Чжоу, так и в Ци вновь входят в моду отмененные в конце V в. сяньбийские фамилии и имена, причем их начинают принимать и китайцы. В VI в. сяньбийцы вновь начали заплетать косы. Возрождались прежние сяньбийские традиции, связанные с манерой запахивания наплечной одежды и повседневным ношением сапог. Впоследствии сапоги вошли в непосредственно китайскую культуру как часть военного костюма.

Таким образом, реформы V в. способствовали повсеместной китаизации сяньбийцев. Естественно, этот процесс затронул, прежде всего, сяньбийскую знать и жителей столицы. В районах, удаленных от Лояна (прежде всего на севере Шаньси), преобладали настроения, препятствовавшие быстрой утрате сяньбийским населением своей культурной специфики. В. Эберхард выдвинул идею, что именно это культурное противостояние в среде сяньбийцев явилось причиной тому, что некитаизированные рядовые общинники отделились от своих вождей и создали новое государство Чжоу на северо-западе, тогда как табгачская знать полностью растворилась в государстве Ци (8).

В целом же государственную историю Северной Вэй можно считать временем адаптации тобийцев к новым условиям существования в окружении китайской цивилизации. Фактически постепенная китаизация тобийского общества происходит за счет усвоения китайского опыта государственного управления и привлечения к сотрудничеству китайцев. В связи с этим политика, проводившаяся в отношении отдельных этносов, стала своеобразным отражением борьбы синезаторских и антисинезаторских сил, которая все более обострялась по мере развития естественного процесса политической и культурной интеграции взаимодействовавших этносов.

В конечном счете общий процесс синизации в Северном Вэй закончился тем, что не только аппарат управления, но и основная масса населения ассимилировалась с китайцами, а в 581 г. во главе бывшего Северо-Вэйского государства встал китайский полководец Ян Цзянь и восстановленная им империя стала именоваться Суйской.

События III–VI вв. привели к качественным изменениям на этнической карте Восточной Азии. Народы, которые соседствовали с древними китайцами еще на грани нашей эры, ко времени возникновения империи Тан (618 г.) сошли с исторической арены. Почти все они в той или иной степени были ассимилированы китайским этносом – самой многочисленной из всех общностей. Это относится, прежде всего, к сяньби, одному из пяти кочевых народов, захвативших в IV в. часть Северного Китая.

Почти аналогичной была судьба другого древнего народа Центральной Азии – сюнну. Различие в данном случае состояло лишь в том, что сюннуский этнос оказался разделенным на две части; обе они прекратили свое существование в середине I тыс.: первая – будучи ассимилирована в ходе этнических процессов на территории Северного Китая, другая – растворив-

шись в составе складывавшихся этнических общностей раннего европейского средневековья.

Ситуация третьего типа представлена судьбой этнической общности цяны на Севере. Одна часть этноса прекратила самостоятельное существование, войдя в состав соседей, другая – трансформировалась под воздействием контактов.

На этнические судьбы контактировавших народов значительное воздействие оказывала степень компактности их расселения. Одной из причин, предопределивших последующее исчезновение сюнну как самостоятельного этноса, было их разделение на «южную» и «северную» ветви, а затем и миграция северных сюнну на запад. На ассимиляцию более многочисленным соседом оказались обреченными и те группы цянов, которые оторвались от своего основного этнического массива и переместились в район среднего течения Хуанхэ.

Таким образом, оценивая особенности этнических процессов периода I тыс. н.э., можно сказать, что, с точки зрения общей тенденции развития, они представляли собой процесс постепенной синизации некитайских народов. Важнейшей особенностью сложившейся этнополитической ситуации было то, что независимо от каких бы то ни было субъективных моментов, государственно-политическое объединение северного Китая обеспечило объективные условия и возможности для наиболее тесного взаимодействия и постепенного культурного объединения различных народов империи на основе более древней и высокоразвитой китайской культуры. Сама же китайская культура хоть и перенимала отдельные элементы культур окружающих народов, но так оптимально адаптировала их в собственной среде, что через короткое время они становились уже частью китайской традиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) В 386 г. произошло объединение сяньбийских племен под властью верховного вождя из рода Тоба (Тобар), которого китайская историография называет Тоба Гуй.

(2) Одно из первых упоминаний об истории Северной Вэй принадлежит К.А. Харнскому, обратившему внимание на сложный характер и неоднозначные последствия этнокультурной ассимиляции тобийцев. См.: *Харнский К.А.* Китай с древнейших времен до наших дней. – Хабаровск–Владивосток, 1927. – С. 116–117, 167–169. Наиболее полно изучаемая тема представлена в исследованиях историков КНР, проводившихся на протяжении последних четырех десятилетий. Эти исследования особенно активизировались в восьмидесятых годах, в течение которых в КНР были изданы десятки специальных и общих научных публикаций, осуществлено переиздание в систематизированном виде многих сохранившихся письменных источников, впервые введен в научный оборот целый ряд ценных эпиграфических и археологических источников, проливающих новый свет на исследуемую тему. Подробный анализ китайской историографии приведен в работе В.Ц. Головачева. См.: *Головачев В.Ц.* Этнические процессы и этническая политика в государстве Северное Вэй (IV–VI вв.н.э.): Дис. ... к.и.н. – М., 1992.

(3) *Ch'en K.S.* Buddhism in China. A Historical Survey. – Princeton: Princeton University Press, 1964. – P. 148.

(4) Это объяснялось тем, что их власть и привилегии были непосредственно связаны с древними обычаями прежних кочевых племен.

(5) С этой целью отдельных племенных вождей призывали ко двору в качестве военных командиров, тем самым отдаляя их от своих соплеменников и лишая возможности независимых действий.

(6) Рассматривая соотношение и взаимодействие этнического и культурного факторов в условиях Северного Вэй, культурная принадлежность была важнее происхождения по крови. Все китаизировавшиеся рассматривались как китайцы, а варваризировавшиеся – как варвары. Это, на наш взгляд, крайне важно для понимания отношения тобийских правителей к ханьской культуре и ее роли в синизаторской политике. Хотя в поздний период Северного Вэй и поощрялось установление тесных родственных связей между тобийцами и китайцами, можно сказать, что стремление вынудить сяньбийскую знать к вхождению в китайские служилые роды, предполагало не столько путь кровного перерождения, сколько их быструю аккультурацию. Политика по установлению тесных брачно-родственных связей была лишь одним из средств этнокультурного сближения представителей двух этносов.

(7) Одновременно с этим сяньбийский язык и сяньбийская культура в глазах китайцев напротив имеют престижное значение.

(8) *berhard W. Conquers and Rules. Social forces in medieval China.* – Leiden: E.J. Brill, 1965. – P. 85.

FORMING PECULIARITIES OF ETHNOCULTURAL POLICY OF CHINA IN THE EARLY MIDDLE AGES

E. Barinova

Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academy of Sciences
Leninskiy Prospekt, 32a, Moscow, Russia, 119991

The problem of ethnic and cultural contacts with the non-Chinese people in China in the early medieval period shows an important feature of Chinese civilization, which consists in the fact that all the elements brought about gradually adapting and become the elements of the Chinese culture.

Key words: China, ethnocultural, the early Middle Ages.